

ЧЕРНЯХОВСКИЙ Сергей Феликсович — д.полит.н., профессор кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова (119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27, научный руководитель НОЦ «Высшая школа политической культуры» Московского государственного института культуры (141406, Россия, Московская обл., г. Химки, Библиотечная ул., 7; serfecher@mail.ru)

НИКЛАУС Анна Александровна — к.полит.н., доцент кафедры политологии, эконополитологии и глобалистики Международного независимого эколого-политологического университета (Академия МНЭПУ) (127299, Россия, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, 20)

СОВЕТСКОЕ И ДОСОВЕТСКОЕ В КОНЦЕПТЕ ЕДИНСТВА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье автор рассматривает проблему ностальгии по советскому прошлому, когда люди и общество в целом чувствовали себя мировыми лидерами и маяком исторического прогресса. Они хотят вернуть мощь и величие СССР, но не хотят расставаться с товарным изобилием на полках. Возникает вопрос, что Россия должна взять из советского наследия, чтобы стать такой же сильной, богатой и уважаемой, каким был Советский Союз? Автор считает, что проблема связана не только материальными факторами силы.

Ключевые слова: страна, Россия, СССР, мощь, советское наследие, цели и смыслы, будущее

Если Советский Союз ставил перед собой задачу самому создавать свое будущее и имел представление о том, куда он хочет прийти, т.е. он был ориентирован на постоянное движение и созидание, — то Российская Федерация не знает, куда она хочет прийти, не имеет целей или идеалов развития и не может ответить на вопрос, куда она хочет прийти в результате своего движения. Она уже понимает, что ей чего-то не хватает по сравнению с СССР, но пока не может дать себе отчет в том, чего же именно.

Общество и политический класс так или иначе пришли к осознанию необходимости признания единства и самоценности всех периодов отечественной истории — и досоветского, и советского, т.е., строго говоря, монархического и республиканского. Но в понимании доминирующей части политического класса это единство выглядит достаточно своеобразно и незавершенно.

Их официальная версия единства истории выражается тремя тезисами: 1) некогда была великая Российская империя; 2) «злые большевики» разрушили ее; 3) великий Сталин ее восстановил.

С этой точки зрения романовская империя и Советский Союз — это примерно одно и то же. И тогда нынешней России брать с собой в дальнейший путь нужно исключительно державное величие: армию, авиацию и флот. Ну, еще ВПК и атомно-космический комплекс.

И тогда выпадет основное: ответы на вопрос, в чем были слабости империи и в чем была сила Союза. А тогда нельзя ни оградить себя от слабостей первой, ни вернуть себе силу второго.

Для того чтобы создать Союз, необходимо было разрушить империю. Можно было бы сказать, что Советский Союз пришлось разрушить для создания Российской Федерации, но Союз был значительно сильнее и влиятельнее империи, а РФ оказалась значительно слабее и беднее Союза.

Можно было бы сказать, что от СССР РФ нужно было бы взять его промышленность, науку, искусство, военную мощь, здравоохранение, образование и всю социальную сферу. Но все перечисленное было не источником, а результатом некоего иного качества, позволившего в свое время их создать и развивать.

В сакраментальном 1913 г. индустриальный потенциал России составлял 10%

индустриального потенциала США. В 1985 г. индустриальный потенциал Союза составлял 55% индустриального потенциала Штатов. То есть, за время своего существования СССР в среднем развивался в 5,5 раз быстрее, чем США.

Российская Федерация, при всех своих успехах в нулевых годах, к благополучному предкризисному 2007/2008 г. не достигла в своем экономическом развитии уровня РСФСР проблемного 1990 г.

Брать нужно не столько то, что удалось создать, сколько то, что позволило все это создавать со скоростью, опережающей развитие лидеров остального мира. Здесь — корень вопроса: что позитивно отличало Союз от империи? И, на всякий случай, относительно легенд о рывках развития в дореволюционной России: рывки были, но в целом с 1861 по 1913 г. ее отрыв от ведущих стран мира не сокращался, а увеличивался.

Значит, после 1917 г. в стране появилось нечто, что позволило эту динамику переломить, и на место нарастающего отставания пришло нарастающее ускорение. Вопрос в том, чем было это нечто, и в том, нужно ли это нечто восстанавливать и брать с собой в новую эпоху.

По июльским данным 2015 г.¹ к идее восстановления памятника Дзержинскому положительно относятся 51% москвичей, отрицательно — 25%. Примерно в это же время министр обороны РФ Сергей Шойгу подводил итоги расследования трагедии обрушения казармы ВДВ в Сибири. Он сказал, что здание было построено с нарушениями технологии в 1975 г. и после проведения реконструкции и капитального ремонта в 2013 г. не выдержало и рухнуло.

Вопрос в сравнении. Советское можно считать хорошим, можно — плохим. Оно может быть и хорошим, и, возможно, плохим. Проблема только в том, что нынешнее, как правило, — хуже.

При этом заслуживает внимания и распределение ответов в возрастных категориях москвичей. За восстановление памятника на Лубянке в первую очередь выступают не уходящие ветераны советской эпохи. Если в целом в городе идею поддерживают 51% жителей и выступают против 25%, то в возрастной группе 18–24 года «за» — 63% и против — 18%, в группе 25–39 лет «за» — 39% и против 24%, в группе 40–54 года «за» — 48% и против — 29%, и в группе старше 55 лет «за» — 61% и против — 24%. То есть, во всех группах — большинство за памятник. Но лидируют в поддержке идеи его возвращения те, кто родился между 1991 и 1997 гг., на втором месте — родившиеся до 1960 г., на третьем — между 1960 и 1975 гг., в аутсайдерах — родившиеся в собственно «застой» (после 1976 г.) и в перестройку (1985–1991).

Почему об этом в данном случае говорится, и говорится в контексте вопроса о началах советского, которые должны быть взяты с собой в будущее России? Потому что доминирующее позитивное отношение наиболее молодых групп к Дзержинскому — это уже не ностальгия по социальной защищенности и «дешевой колбасе» 60–70-х гг.

Современное общественное сознание носит значительно более сложный, многосоставной характер, чем это кажется адептам примитивных политических схем, призывающим к «окончательному разрыву» с «советским наследием» и «советской символикой».

Строго говоря, «постсоветское» — вовсе не означает «антисоветское». В подобных случаях приставка «пост» вовсе не значит «анти» — она скорее означает «вытекающее из», «основанное на». То есть, термин «постсоветское» скорее означает даже и не «несоветское», а «вытекающее из советского», «основанное на советском».

¹ <http://www.levada.ru/24-07-2015/pamyatnik-dzerzhinskomu-i-knyazyu-vladimiru>

Убрать «советское» из «постсоветского» — это вовсе не значит «очистить советское до досоветского», это значит убрать из него то, на чем оно основано, а значит вызвать обрушение, вызвать новый катаклизм, не говоря о том, что возможность подобной элиминации вообще вызывает сомнения. Система советских образов, символов, ценностей в том или ином виде не только сохраняется в обществе в виде отдельных пластов — скажем, просоветски ориентированных избирателей КПРФ и ее симпатизантов, — она пронизывает все общество, все политические силы, все, казалось бы, вовсе не прокоммунистические и совсем не левые структуры и страты.

Кстати, по данным Левада-Центра о распаде Советского Союза сожалеют 62%, не сожалеют 28%, затрудняются ответить 10% респондентов. 31% полагают, что распад был неизбежен, 59% — что его можно было избежать. Восстановить Советский Союз и социалистическую систему хотели бы 60% опрошенных. Причем большая часть из них вовсе не голосуют за КПРФ.

«Советское» — это значит весь тот мир, который был создан в стране за семьдесят лет великого, в общем, эксперимента. (Как в старой притче: «Что ты делаешь тачечник? — Не видишь — надрываюсь, везу камни... — А ты что делаешь, тачечник? — Разве не видишь? Я строю храм!»)

«Советское» — это некий мир мечты. Пусть не победившей до конца, но находящейся в стадии реализации. «Советское» — это созданная в конечном счете самим народом промышленность. Победа в войне. Построенные дома. Шаг за шагом путь к понемногу подрастающему благополучию. Чувство надежности и безопасности: поэтому лгут те, кто утверждает, что весь народ пребывал в состоянии страха — весь народ, во всяком случае его подавляющее большинство, считал, что он живет в самой свободной, самой передовой и самой справедливой стране, чего сейчас, кстати, он не считает. И дело здесь вовсе не сводится к пропаганде — дело в том, что таковым было до определенного момента общее настроение, и действительность так или иначе подтверждала эту уверенность.

Вот здесь, наверное, главное в ощущении массами того «советского», чего им не хватает сегодня: мира реализуемой мечты. Уверенности в том, что потребление — менее важно, чем созидание; что материальное благополучие — лишь вторичная сторона жизни; что дружба может быть важнее денег; что может быть общество, где человек человеку — друг. Веры в торжество свободы и справедливости; попытки бросить вызов всей предыдущей истории — и всему остальному миру — и создать свой особый, нигде не виданный мир.

«Советское» несло в себе некоторое разделение: оно было и тем, о чем мечталось, и тем, что удавалось. Но тем самым оно несло в себе развилку: дельту между этими началами — то, в чем они различались.

Относительно массовое противопоставление себя системе к концу советского периода носило не характер антисоветского протеста и не посыл к досоветскому началу, а ощущение разницы между мечтой и достигнутым. Не их противостояние — а требование их соединения, требование дойти до мечтаемого.

Общество разочаровалось в КПСС не потому, что ему стали говорить о репрессиях, нелепостях и ошибках, бюрократизации и загнивании верхушки (которые были намного меньшими, чем в последние четверть века), а потому, что КПСС отказалась строить коммунизм. То есть, КПСС отказалась от реализации той мечты, которую подарили ее основатели, под реализацию которой она получила от народа власть.

Общество отказалось от советского строя не потому, что считало его плохим, а потому, что хотело большего — более советского, более «мечтаемого». Антисоветский переворот в основе своей был освящен «советской мечтой». Большая часть несет в себе память о «советском» как достигнутом, а самой глу-

бине общественного сознания, на его подземных этажах «советское — как мечтаемое. А те, кто не несет в себе эту личную память, воспроизводят ее на основе «преданий и легенд».

Общество в массе своей хочет получить не что-то «несоветское», а что-то «еще лучшее, чем советское». Не вернуться в «досоветское», что вообще нереализуемо, а попасть куда-то в «сверхсоветское», «надсоветское». Так, чтобы от «советского» не отказываться, но чтобы еще лучше было.

И родилось все это не потому, что так людей настроила современная пропаганда власти — это пропаганда власти стала такой, потому что поняла: в утверждаемых в обществе своих образах нужно не элиминировать «советское», а напротив, насыщать их им или имитировать это насыщение. Что править обществом при таком его состоянии — и другого не может быть и объективно-исторически — можно только опираясь на его «советскую составную» во всех ее проявлениях.

Машин времени не бывает. Вернуться в досоветский период Россия не может. Никакая реставрация никогда не бывает полной — и чем более полной она пытается быть, тем быстрее ее сметает новая революция. Сделать из «опирающегося на советское» «несоветское» невозможно — опираться не на что. И потому постсоветское общество может двигаться и развиваться, только вбирая в себя и используя в качестве опоры «советское». И никуда не денешься. Более того, как ни парадоксально, но во всех своих целях и устремлениях оно подспудно, подчас не сознавая этого, основой своего развития иметь будет в той или иной форме «советскую мечту». Иначе не получается.

Вообще в советском начале можно выделить минимум 3 пласта. Самый последний и чаще всего поминаемый — пласт сытого благополучия, зажиточности и гарантий социальной справедливости, отождествляемый в первую очередь с «советским викторианством» — брежневским периодом.

Второй, более глубокий — пласт динамичного роста, наступательного фронтального порыва — пласт космоса и целины, пласт Победы и создания великой индустрии.

Третий — это именно то, о чем шла речь выше: пласт романтики и мечты, железного натиска и штурма «старого мира». Почему победили красные? — Конечно же, потому, что они землю крестьянам дали, а белые так и не нашли в себе смелости это сделать. Это правда. Но еще и потому, что в походных котомках красных конников лежали зачитанные томики «Города Солнца» Томазо Кампанеллы.

На самом деле, без всего этого идти вперед действительно нельзя. Даже без планового хозяйства: чего стоит рыночное, можно увидеть на примере истории российской экономики последней четверти века и четырех кризисов — 1992, 1998, 2008, 2014 г. А еще на примере перманентного кризиса мировой экономики, судьбы Греции, Италии, Испании, Португалии.

По недавним данным Левада-центра¹, отвечая на вопрос о лучшей экономической системе, 55% граждан отвечают: «та, которая основана на государственном планировании и распределении» и 27% — «та, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения», что почти в точности воспроизводит соотношение мнений по поводу восстановления памятника Дзержинскому.

По тем же недавним данным 2015 г.² «демократию западного образца» считают лучшей политической системой 11% граждан, нынешнюю российскую модель — 29%, «советскую, которая была у нас до 90-х годов» — 34%. По некоторым другим данным, еще 11% предпочли бы монархию.

И все-таки все это относительно вторично. Наука, политическая организа-

¹ <http://www.levada.ru/26-03-2015/grazhdane-gosudarstvo-i-vlast>

² <http://www.levada.ru/26-03-2015/grazhdane-gosudarstvo-i-vlast>

ция, промышленность, социальная сфера, военная мощь, атом и космос — все это несомненные и во многом растроченные, разрушенные, распроданные по дешевке сокровища советской эпохи. Но именно сокровища. Маркс в свое время резко различал и в чем-то противопоставлял «сокровища» — «капиталу». Сокровища — это накопленные богатства, которые можно либо хранить, либо тратить — они конечны. Капитал — это самовозрастающая стоимость. Это то, что производит богатства и в своем функционировании постоянно и расширенно их воспроизводит.

Брать с собой сокровища советской эпохи — то, что сохранено или может быть восстановлено, — конечно, нужно. Но и недостаточно, потому что нужно брать капитал, т.е. то, что постоянно толкало СССР к развитию, сделало ведущей державой мира и заставляло элиту США быть обреченно уверенной в том, что ее соревнование с Советским Союзом обречено на поражение, — до тех пор, пока, к ее изумлению, новые лидеры сами не отказались от соревнования и решили капитулировать, заодно поделив созданные сокровища, отрекшись от создавшего их капитала.

В последней книге Бориса Стругацкого «Интервью длиною в годы» (2007 г.) помещен его ответ на неоднократно задаваемый вопрос относительно «Обитаемого острова» и описанной в нем Страны Отцов: «Как вам удалось в конце 60-х так точно угадать будущее? Ведь это же современная Россия!»

И суть ответа сводится к тому, что ни о каком угадывании там не шла речь — лишь чистая логика: Стругацкие описали страну, проигравшую войну. СССР сам отказался от борьбы, которую он вел со старым миром, начиная с 1917, и получил лишь то, что и должен получить тот, кто от борьбы отказался.

Верная сама по себе идея единства отечественной истории при нерешенности вопроса о соразмерности значимости всех ее периодов не дает решить и вопрос о сути этого капитала, как и о том, как развиваться дальше.

Возможны две трактовки единства советского и досоветского периодов. Первая заключается в том, что основное и главное — это ее величественная дореволюционная история; главное произошло там. А советский период — это некое проблемное дополнение, в котором, тем не менее, тоже было немало достойного и хорошего. Вторая предполагает, что вполне достойная и героическая дореволюционная история — в целом предмет гордости национальной памяти. Но это своего рода предыстория, фундамент рожденного революцией прорыва и триумфа страны в советский период. И главное, и самое великое для страны — все же в XX в.

Итак, первая трактовка включает себе предположение, что в будущее России в первую очередь нужно брать ее тысячелетнюю традицию, не забывая и об имевшемся опыте советской истории. Вторая полагает, что с собой нужно брать в первую очередь именно значимость и содержание советского периода, его способность к прорывам и мобилизации, во многом основанную и на достигнутом в досоветский период.

И здесь опять встает вопрос о том, что есть капитал советского периода, т.е. о том, что качественно отличало советско-революционный период от досоветского. Если использовать определенную патриотически модную терминологию, то в чем коренное отличие Красной империи от Белой?

Дореволюционная Россия в первую очередь была традиционным обществом, обществом постоянства — время от времени его прерывали стремительные рывки, иначе оно вообще не смогло бы угнаться за временем, но в целом это было господство традиции (а до петровского прорыва — общество обычая).

Прежде мир воспринимался как в основном неизменный, в котором человек

принимает его как данность и к нему приспосабливается. Советский период — это состояние, когда мир воспринимается как в основном изменяемый, подвластный человеку, но изменяемый не произвольно, как это было сделано после 1985 г., а на основании понимания законов окружающего мира. Но изменяемый — и это главное.

Отсюда суть советского периода, тот его капитал, который все время толкал его вперед — это новое мироощущение, ощущение способности менять мир, признание существующего мира не самым лучшим из миров и готовность принять вызов, согласившись на построение нового мира и нового общества.

И одним из ядер этого ощущения является укоренение постулата о том, что потребление — не главное. Это — средство, главное — это созидание. Не созидание — средство для потребления, а потребление — средство для созидания.

Мир изменяем, а познавать, творить и созидать — интереснее и важнее, чем потреблять. И это центральный момент советского наследия и советского мира. И обеспечивается это, среди прочего, и идеологией.

CHERNYAKHOVSKY Sergei Feliksovich, Dr.Sci.(Pol. Sci.), Professor of the Chair of History and Political Theory, Lomonosov Moscow State University (27 Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119192); Scientific Director of Higher School of Political Culture, Moscow State Institute of Culture (7 Bibliotchnaya St., Khimki, Moscow Region, Russia, 141406; serfecher@mail.ru)
NIKLAUS Anna Aleksandrovna, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Ecopolitical Science and Global Studies, International Independent Ecological-Political University (Academy ИЕПУ) (20 Kosmonavta Volkova St, Moscow, Russia, 127299)

SOVIET AND PRE-SOVIET PRINCIPLES IN THE CONCEPT OF THE UNITY OF NATIONAL HISTORY

Abstract. *In the article, the author considers the problem of nostalgia for Soviet times, when people felt themselves as the global leaders and beacon of historical progress. They want to regain the power and greatness of the USSR, but don't want to leave a surplus on the shelves. The question arises, what Russia should take from the Soviet legacy to be strong, wealthy and respected, as the Soviet Union? However, the matter is not only that, not only in the material respect.*

Keywords: *country, Russia, USSR, power, Soviet legacy, goals and meanings, future*
